

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ—1922 Г.

ЛИСЬЕ ЦАРСТВО

из рассказов ЛЯО-ЧЖАЯ (XVII—XVIII вв.)

В повестях китайца Ляо-Чжая, выбранных здесь в ничтожном количестве четырёх из 445, трактуется фантастика лисьего оборотня.

Отвечая на данное ей фатумом предопределение в отношении как к собственному совершенству и превращению в святого небожителя, так и к судьбе, доле счастья, назначаемой данному человеку, лиса является к нему, и для смертного начинается совершенно новая жизнь, построенная на незаслуженном, несбыточном, непонятном вмешательстве в его скромную судьбу,—новая жизнь, новое подлинное счастье.

Лиса является к нему, чтобы соединить свою судьбу с его судьбой. Повинуясь общему неотвратимому, верховному року, она хочет, чтобы человек быстро усвоил себе её масштаб и слился с ней, не чураясь её, не хитря перед ней, не боясь её, а веря ей, как он верит любимым живым существам. Но обыватель, напуганный рассказами о страшной силе лисы, хотя жадно пьёт её обаяние, но тут же старается от неё отделаться. «Пожил—и полно!», думает он, но... не она.

И вот, в ответ на тайную борьбу с ней путём талисманых письмён и всяческих заклинаний, она объявляет человеку месть, изводя его до крайности и могилы. Бороться с лисой может только человек, владеющий тайной рока, или герой, не виляющий перед чарами жизни, способный противостать кому и чему угодно. Если же с нею борется обыватель, то к чьей бы сверхчеловеческой помощи он ни прибегал, из этого ничего не выйдет, и он будет первым же щелчком отброшен в пропасть.

И всё же, несмотря на все предупреждения против лисы, её чарам подвержен всякий. Она—обворожительная женщина «без пары в свете», и даже—мужчина, олицетворение лучшего ума в высшей культуре. Сверхъестественный роман—вот во что выливается повесть о лисе. Понятно, почему эти повести Ляо-Чжая стяжали себе в Китае бессмертную славу. Ведь, в них затронуты и исповеданы самые головокружительные мечты о человеческом счастье!

Однако, и помимо этого, в повестях есть особенности, украшающие их до полного литературного триумфа.

И прежде всего, чары лисиды распространяются на китайского «студента», то есть интеллигентного начётчика былого времени. Жизнь его сложнее простой жизни полуживотных масс, так что и роман может быть развит со всей доступной автору красочностью палитры. А она очень ярка: на ней депозит всей сложной китайской культуры. Химеры интеллигенции, как известно, раскрываются свободнее и сочнее, чем всё другое.

Другое дело—достоинство повестей Ляо-Чжая, заключающееся в их ультралитературном способе изложения, а именно, в особом, так сказать, двойном языке, состоящем из слов, не существующих в разговорном языке, слышимом и понятном всем. Так, например, в китайской фразе, взятой из одной повести Ляо-Чжая, неграмотному мужику полуграмотный монах говорит следующее: «У вас, сударь, полная телега груш: целые сотни! А я, старик, прошу у вас всего на всего одну. Вам, «барин», от этого ущерба большого, ведь, не будет! К чему же сердиться?» Из 21 слова, выражающего эту фразу, только четыре участвовали в разговорном языке этого времени: один, телега, сто, большой. Остальные были неслышимыми архаизмами. Если эту фразу представить себе в пропорциональном составе русских слов и если архаизмы китайской фразы заместить, например, крайними варваризмами фразы русской, то отнюдь не гиперболически эта фраза может быть представлена, например, в следующем виде:

«Цедая телега в квантитете сотен пьес. Старый lazzaroni уникамом демандует из оных лишь одну. Майоратному магнату, à propos de tout cela, нуль большого детримента. Per que ирритация?»

Но и в этом странном виде фраза воспринимается на слух, и, вообще, русский язык—как и любой европейский—бессилен выразить самую основную красоту повестей, а именно их торжество над языком жизни при рассказе о самой жизни, некий вне-человеческий фокус жизни, преломляющий действительность, с нею не соприкасаясь.

Иллюстрации повестей взяты из оригинального китайского литографированного издания повестей. Они должны сильно помочь воображению читателя.

В. А.

I

СМЕШЛИВАЯ ИН НИН

Ван Цзыфу из Лодян'я (в Цзюй-чжоу, губернии Шаньдун, в Восточном Китае) рано лишился отца. Обладая недюжинными способностями, он уже четырнадцать лет «вошел во дворец Полукруглого Бассейна»¹⁾. Мать чрезвычайно его любила и берегла, не позволяя ему без дела гулять за селом, по безлюдным местам. Сосватала было она ему невесту из семьи Сю, но та еще до брака рано умерла, и, как говорят в таких случаях, «клич феникса к милой подруге» бедному Вану так и не удался.

Дело было 15-го числа первой лунны²⁾. К Вану зашел его двоюродный брат, студент У, и увлек его за собой посмотреть на праздник. Только что вышли они за село, как за У прибежал слуга и позвал его домой. У ушел, а Ван, видя, как

«...девы гуляют, словно тучи на небе»,

в возбужденном упоении пошел гулять один. И вот, он видит, что идет какая-то барышня, одной рукой держась за прислугу, а другой рукой тербит ветку цветущей дикой сливы. Лицо ее такой красоты, что в мире не сыщешь, и смеется, смеется. Студент остановился, уставив на нее глаза и забывая о всяком приличии. Барышня прошла еще несколько шагов и говорит, обратясь к служанке:

— Смотри, как у этого молодца горят глаза: словно у разбойника!

¹⁾ Выдержал экзамен на первую ученую степень начетчика.

²⁾ Праздник фонарей. Всю лунную ночь нарядные люди проводят на улице с фонарями в руках, оживленные и веселые.

Обронила цветок на землю и удалилась, смеясь и болтая. Студент подобрал цветок, грустно-грустно задумался...

Душа его замерла, куда-то исчезла. В сильном унынии вернулся он домой, спрятал цветок под подушку, поник головой и уснул. После этого он перестал говорить и даже есть, чем сильно встревожил мать, которая звала монахов, служила молебны, но больному стало еще хуже—у него заострились кости, обтянулась кожа, и стал он скелет-скелетом. Пришел врач, посмотрел, пощупал, дал лекарство, вызвал пот... Студент только бормотал что-то в забытьи, словно помешанный. Мать ласково спрашивала его, что с ним. Ван молчал, не отвечая ни слова.

Зашел как-то У. По секрету мать показала ему допытаться у больного о причине его болезни. У подошел к постели; при виде его, у Вана покатились слезы. У стал утешать его, осторожно расспрашивая, и тогда Ван сказал ему все, как было, и просил дать совет, как и что делать. У засмеялся и сказал:

— Какой ты, чудак! Разве трудно сделать то, что тебе надо? Я просто спрошу, найду ее—вот и все. Ведь, раз она шла пешком по полю, то уж наверно не из богатого, знатного дома, и если она еще не замужем, то дело твое, вероятно, сладится. Если нет, то дадим им круглую сумму, и тогда уж наверно согласятся. Ты только поправляйся, дело это я уж беру на себя!

Услыша такие слова, Ван, незаметно для себя, улыбнулся и повеселел.

У вышел от больного, рассказал все это матери, и стал искать, где живет красивая девушка. Но, как он ни расспрашивал, не находил никаких следов. Мать снова сильно забеспокоилась, не зная, что делать. А с тех пор, как ушел У, лицо больного стало вдруг проясняться, и он даже начал понемногу принимать пищу. Так прошло несколько дней. У снова пришел, и студент кинулся к нему с вопросами:

— Нашел девушку? Кто она?

У пришлось обмануть друга:

— Я нашел, — сказал он — готово! Я-то думаю, кто такая, а оказывается—дочь моей тетки и твоя троюродная сестра! Теперь мы еще чуть-чуть повременим свататься: ведь, родственникам неудобно вступать в брак; однако, знаешь, по правде говоря, это всегда налаживается.

Студент так обрадовался, что даже поднялись брови, и спросил, где же она живет. У продолжал врать:

— Там, в юго-восточных горах, верстах этак в 15 отсюда.

Ван еще и еще раз просил похлопотать. С решительным и смелым видом У взял все это на себя и ушел. С этих пор студент стал понемногу питаться все лучше и лучше, с каждым днем приближаясь к окончательному выздоровлению. Посмотрел он под подушку: цветок, хотя и засох, но был цел, — и вот, весь уйдя в воспоминания, он держал его в руке и любовался, словно видя самое девушку. Затем, дивясь, почему У не приходит, послал ему записку, приглашая зайти, но У под разными предлогами не

хотел приходиться. Тогда Ван разозлился и опять затосковал. Мать, боясь, как бы он снова не захворал, стала спешно искать ему невесту, потихоньку заговаривая с ним о женитьбе, но Ван всякий раз отрицательно мотал головой, не желая слушать; он со дня на день поджидал У, а от того по-прежнему не было никаких вестей. Ван, тоскуя и досадуя, подумал, наконец, что каких-нибудь 15 верст вовсе уже не такая даль, чтобы стоило из-за этого кланяться человеку и от него зависеть. Взял нежно цветок в руки и, набравшись духу, пошел сам искать девушку. А дома никто и не знал, что он ушел. Нерешительно шагая, не зная, у кого спросить дорогу, он прямо пошел по направлению к южным горам. Пройдя около 15 верст, он очутился среди гор, обступивших его со всех сторон... Было пустынно и красиво: всюду синие-зеленые тона и чистый воздух, бодрящий тело... И тихо, тихо—ни одного прохожего. Нет и дороги, лишь «птичьи пути», не для людей. Взглянул в глубь ущелья — и видит, что где-то там, среди лесных чащ и цветочных полей, как будто притаилась маленькая деревушка. Сошел с горы, направляясь в деревню. Видит: домов немного, и все бедные хижины, хотя вид имеют очень чистый и привлекательный. У входа в один дом растут шелковистые ивы, за забором видны персики и сливы, в промежутке с высокими, стройными бамбуками, в листве порхают и щебечут вольные птицы. Ван подумал, что это, пожалуй, сад и дом какого-нибудь ученого, и не посмел войти сразу, но, оглянувшись вокруг и высмотрев против дома большой и гладкий камень, уселся на него и решил отдыхать. Вдруг слышит, как за забором девушка протяжно зовет какую-то Сяо Жун кокетливо-нежным голосом. Только что он прислушался, как девушка вышла из дома с цветком абрикоса в руках, нагнулась и стала закалывать шпильку. Увидя студента, остановилась и, еле сдерживая смех, вернулась обратно. Ван пристально всмотрелся: так и есть, это она — та самая, которую он встретил на празднике. Сердце его забилось бешеною радостью, но как войти, под каким предлогом? Хотел было назвать тетку, но, не будучи знаком с нею, побоялся ошибиться. Спросить некого. И вот, он, то сидя, то лежа, то гуляя взад и вперед, с утра и до захода солнца, просмотрел все глаза, даже забыл о голоде. Лишь время от времени он видел, как девушка, выставив половину лица, приходила посмотреть на него и делала вид, что удивляется, почему он не уходит. Наконец, вышла старуха, опираясь на палку, и обратилась к студенту с вопросом:

— Откуда вы, господин? Мне говорят, что вы пришли с утра и сидите здесь до сих пор. Что вы хотите делать? И разве ж вы не голодны?

Ван быстро вскочил на ноги и, приветствуя старуху, отвечал:

— Хочу повидать своих родственников.

Старуха была глуха; она растерянно сказала:

— Не слышу!

Ван повторил громче. Тогда старуха спросила:

— А как фамилия ваших почтенных родственников?

Студент ответить не мог. Старуха засмеялась.

— Как странно, — сказала она, — даже фамилии не знаете: каких же родственников можно разыскать, не зная их имени? Гляжу я на вас и вижу, что вы ученый дурень. Идемте-ка лучше за мной. Я дам вам поесть. Дома у меня найдется для вас и небольшая постель. Проспитесь, а утром отправляйтесь себе домой, узнайте, наконец, фамилию ваших родственников и приходите опять искать: ничего, не опоздаете!

Ван только теперь почувствовал голод, и в надежде поесть, а главное, в сознании, что это приближает его к красавице, сильно обрадовался и пошел в дом вслед за старухой. Видит, — во дворе дорога устлана ровным белым камнем, и красные цветы сжимают ее с обеих сторон, лепесток за лепестком падая на ступени. Прошли к западу, открыли еще ворота — весь двор полон цветами, парничками, куртиками. Старуха ввела гостя в дом. Белые стены сверкали, как зеркала. В окна влезали, словно чего-то изда, ветви дикой яблонь. Цыновки, столы, сиденья — все блистало, сверкало чистотой. Только что Ван уселся, как кто-то стал на него украдкой поглядывать в окно. Старуха крикнула:

— Сяо Жун, скорее готовь кашу!

Служанка за стеной издала ответный крик. Ван сидел и подробно рассказывал, кто кому и как приходится. Старуха спрашивает его:

— Вашему деду по матери не была ли фамилия У?

— Да!

Старуха изумилась и промолвила:

— Да, вы, ведь, мой племянник! Ваша мать — моя сестра. Сколько лет уже, как мы друг о друге ничего не знаем. И то сказать: мы бедны, да и в доме пет подростка-мальчика... А ты, племянник, вот уже какой вырос, и не признала тебя!

— Да я к вам, ведь, и шел, тетя, — сказал студент, — но, знаете, второпях забыл вашу фамилию.

— Твоей старухе фамилия Цинь. У меня пет детей. Есть, правда, нежное существо, да и то не от меня, а от другой. Ее мать вышла снова замуж, а ее оставила мне на воспитание. Она очень не глупа, но не совсем-то воспитана; только и знает, что беззаботно веселится. Вот сейчас я пошла за ней, пусть придет тебя приветствовать.

Через некоторое время прислуга изготовила и внесла пищу: оказались дыплята, в ладонь величиной. Старуха угощала студента. Когда кончили и прислуга пришла убрать посуду, старуха сказала ей:

— Позови сюда барышню Ин.

Прислуга вышла. Прошло довольно много времени. Ван слышит, что за дверью кто-то тихо смеется. Старуха говорит:

— Ин Инц, здесь сын твоей тетки.

За дверями не прекращались взрывы и звуки смеха. Служанка втолкнула барышню в комнату, а та, зажав рот, безостановочно смеялась. Старуха посмотрела на нее сердито.

— Здесь гость! Что за манера смеяться, захлебываясь, ха-ха-ха да ха-ха-ха?

Девушка стояла, сдерживая смех. Студент сказал приветствие. Старуха представила его:

— Это господин Ван, сын твоей тетки. Одной семьи, а друг друга не знаем! Не смешио ли?

Студент спросил, сколько сестрище лет. Старуха не разобрала. Студент повторил, а девушка так и смеялась во всю, не могла даже головы поднять и смотреть прямо. Старуха продолжала:

— Я сказала, ведь, что она мало воспитана: вот и видно. Уже 16 лет, а глупенькая, словно младенец!

— Она моложе меня на год,—сказал студент.

— А! Тебе, значит, 17,—отвечала старуха.—Ты не родился ли в год ган-у и не под «конем» ли ты ¹⁾?

Ван кивнул головой утвердительно. Тогда старуха опять спросила:

— Кто твоя жена?

— Нет у меня жены!

— Как? При таких способностях и при такой красоте, в 17 лет человек еще не имеет жены? Смотри, у Ин Нин тоже нет своей семьи. Как вы прекрасно друг к другу подходите! Жаль, что для брака есть запрет, касающийся родственников!

Студент молчал, уставив взоры на Ин Нин и не имея времени взглянуть на кого-нибудь другого. Служанка шепнула барышне:

— Глаза так и сверкают; разбойничий вид так-таки и не изменился!

Ин Нин громко рассмеялась и сказала служанке:

— Посмотри, не распустился ли голубой персик.

Потом быстро поднялась и закрывая себе лицо рукавом, засемила мелкими шажками к выходу. Дойдя до дверей, она смеялась уже без всякого удержу. Старуха тоже встала, вслепая служанке сделать для студента постель и сказала ему:

— Милый племянничек, тебе, ведь, не легко было сюда прийти. Так ты остался бы здесь на три-четыре дня, а мы потом, не торопясь, проводим тебя. Если тебе не правится, скучно и пусто здесь у меня, то за домом есть садик, где ты можешь гулять и развлекаться. Есть и книги для чтения.

На следующий день студент пошел в сад за домом,—маленький садик, так, в половину му ²⁾, весь покрытый, точно ковром, нежною травой, так как цвет ивы устилал все его дорожки. В саду был павильон в три маленькие комнатки, весь закрытый цветущими деревьями. Ван тихо шагал, пробираясь сквозь цветы, и вдруг слышит чей-то свистящий с дерева смех. Поднял голову: оказывается, это сидит Ин Нин. Как только увидела студента, захохотала, как сумасшедшая, чуть не свалилась с дерева. Студент крикнул:

— Не надо, упадешь!

¹⁾ Особая система счисления лет по циклам, при чем каждый год приурочен к одному из 12 животных, а именно: к мыши, быку, тигру, зайцу, дракону, змее, коню, овце, обезьяне, петуху, собаке, свинье.

²⁾ Около 75 сажен.

Девушка стала спускаться с дерева, все время неудержимо смеясь, и действительно, уже почти спустившись наземь, сорвалась и упала. Смех

— Не падо, унадешь! (стр. 20).

прекратился. Студент, поддерживая ее, тайком пожал ей руку у локотка. Девушка опять стала смеяться, прислонясь к дереву, не имея сил идти.

Прошло довольно много времени, прежде чем прекратился ее смех. Студент дождался, когда она перестала хохотать, и тогда вынул из рукава цветок и показал ей. Ин Нин взяла цветок и сказала:

— Засох! К чему его беречь?

— Ты, сестрица, обронила его в праздник первой луны—вот я его и берегу.

— Какой же смысл беречь?

— Чтобы показать, что я тебя люблю, не забывая. С тех пор, как я встретил тебя на празднике, все мысли мои остановились на тебе, и я захворал. Я уже приговорил себя к превращению в страшное создание¹⁾ и не чаял увидеть твое лицо, твою красоту. Как счастлив я, что ты удостоила меня своей ласковой мягкости и жалости!

— Ну, это, ведь, настоящие пустяки! Раз пришел к родным, то разве нам чего-нибудь для тебя жаль? Когда будешь отправляться, надо будет позвать прислугу и велеть ей нарвать тебе из нашего сада огромный букет, нагрузить на тебя и проводить.

— Сестрица, ты глупенькая, что ли?

— Почему вдруг я стала глупа?

— Да, ведь, я не цветок люблю, а ту, которая этот цветок держала.

— Разве пужно еще говорить о чувстве к родственнице?

— Любовь, о которой говорю я, вовсе не любовь брата к сестре, а любовь мужа к жене.

— А есть разница?

— Ночью быть на одной постели, спать на одной подушке—вот что. Девушка, опустив голову, довольно долго думала и проговорила:

— Я не привыкла спать с незнакомыми людьми...

Не успела она это проговорить, как незаметно подошла прислуга, и студент, испугавшись, быстро убежал. Вскоре после этого собрались у старухи, которая спросила Ин Нин, где она была, на что та отвечала:—Я разговаривала с Ваном в саду.

Старуха ворчала:

— Обед давно уже готов. О чем там было так долго болтать?

— Да вот, братец хочет со мной вместе спать...

Не успела еще она это проговорить, как студент в ужасе стал ей делать страшные глаза. Девушка слегка улыbnулась и остановилась. К счастью, старуха не слыхала, а когда она начала подробно расспрашивать, студент сейчас же замял дело, заговорив о чем-то другом. Затем, он вполголоса стал упрекать девушку, а она ему на это:

— Значит, эти слова не следует говорить, так что ли?

— Это говорится,—сказал ей студент,—за спиной у людей.

— Так это за спиной у посторонних людей. Как же можно говорить за спиной у мамы? Да, ведь, и спальня-то самое обыкновенное, житейское дело; почему о ней нельзя говорить?

¹⁾ Т. е. к смерти.

Студент, досадуя на ее напвность, не находил способа вразумить ее.

Только что они кончили обедать, как из дома пришли за студентом и привели двух ослов. Дело было так. Мать, поджидая его и не дождавшись, встревожилась и стала искать по всей деревне, но никаких следов и признаков сына не оказывалось. Она пошла к У, тот вспомнил о своих словах и велел ей идти поискать сына в юго-западные горы, и вот, люди, пройдя несколько сел, добрались сюда. Студент вышел из ворот, встретил пришедших, вернулся и сказал старухе, прося позволения отправиться домой вместе с девушкой. Старуха обрадовалась:

— Я хотела сама к вам пойти, — говорила она, — и не только теперь, а давно уже, но по дряхлости своей не могу далеко ходить. Если можешь взять с собой сестру, чтобы представить ее тетке, то отлично — бери.

Позвали Ин Нип. Та пришла, смеясь:

— Что за радость у тебя, что смеешься? — ворчала старуха. — Как начнет смеяться, так и не унять. А, ведь, еслиб не смеялась, паверное, была бы прямо-таки совершенством!

Посмотрела на нее сердито и продолжала:

— Твой старший брат хочет идти с тобой. Изволь сейчас же собраться и сложить свои вещи.

Затем накормила, напоила пришедших за Ваном людей и, провожая их обоих, наказывала девушке:

— У твоей тетки земли и добра вполне достаточно, так что лишнего человека она прокормить может. К ним придешь, так и не возвращайся. Поучись немного грамоте и прилично, хорошенько служи старухе-тетке. Пусть она даст тебе труд подыскать тебе хорошую пару.

Молодые люди отправились, дошли до границы гор, обернулись и им казалось, что старуха, стоя у ворот, все еще смотрит на север, вслед им.

Когда прибыли домой, мать студента, увидя красавицу, с удивлением спросила, кто это. Студент сказал, что это дочь тетки.

— Как? — удивилась мать, — ведь, то, что тебе говорил У, был вздор У меня нет сестер. Как же ты можешь быть племянником?

Спросили девицу; та отвечала:

— Я не от этой матери. Мой отец был по фамилии Цинь. Когда он умер, я была еще в пеленках и потому не помню его.

— Это правда, — согласилась мать, — у меня была сестра замужем за неким Цинь, но умерла она уж очень давно; как же она может еще существовать?

Тут она стала внимательно расспрашивать о приметах сестры — ее лице, родинках и прочем. Все оказалось в полном соответствии. И мать опять с изумлением повторила:

— Да, конечно, правильно. И всетаки, она давным давно умерла... Как может быть, что она еще жива?

Пока они недоумевали и рассуждали, пришел У. Девуца убежала в дом. У расспросил обо всем и, узнав, долго молчал в полном недоумении, потом вдруг спросил:

— А что, эту девицу не зовут ли Ин-Нип?

— Да, да,—сказал студент.

У стал громко выражать свое крайнее изумление. Когда его спросили, откуда он знает ее имя, то он рассказал следующее:

— Когда умерла тетка Цинь, ее муж жил вдвоем и подвергался навождению лисы, от которого захворал сухоткой и умер. Лиса же родила девочку, по имени Ин Нин. Она лежала в пеленках на кровати, и все домашние ее видели. Когда Цинь умер, то лиса все еще от времени до времени приходила. Впоследствии достали талисманские письма Небесного Учителя ¹⁾ и расклеили по стенам. Тогда лиса ушла, забрав с собой и дочь. Это уж не она ли самая?

Стали снова удивляться и догадываться, а из дома только и слышно было, что захлебывающийся смех Ин Нин. Мать сказала:

— Эта девица, всетаки, очень глупа.

У просил разрешения увидеть ее лично. Мать ввела его в дом, где дева захлебывалась густым смехом, не обращая на них внимания. Мать велела ей выйти, и тогда она, напрягая все усилия, постаралась сдержать смех, повернулась к стене, и всетаки, долго не выходила. Потом, только что вышла и еле-еле раскланялась, как быстро повернулась и ушла обратно в комнаты, где опять засмеялась раскатистым, безудержным смехом. И все женщины, что были в доме, глядя на нее, открывали рты и тоже смеялись.

У просил разрешения пойти и посмотреть на лисьи чудеса, став для этого сватом. Когда он пришел на то место, где должна была находиться деревня, то никаких домов не нашел; были только горные цветы, и те уже опадали. Он вспомнил, где была схоронена его тетка, и ему показалось, что это как будто неподалеку отсюда, по могильный холм зарос, сравнялся с землей, и никаких сил не было его распознать. Поахал в досаде—с тем и вернулся.

Мать Вана, подозревая, что Ин Нин—бес, вошла к ней и рассказала, что слышала от У. Девица несколько не взумилась. Даже когда мать пожалела, что она теперь бездомная, она не выказала никакого горя, а только хихикала. Все терялись и ничего не могли понять.

Мать велела ей спать с младшей дочерью. И вот, она рано утром стала приходить к матери здороваться и спрашивать, хорошо ли та почивала. Ее рукоделия были совершенно исключительны по работе, удивительно ловки и тонки. Только и было в ней странного, что она любила неугомонно смеяться: несмотря на запрещения, она, видимо, не имела сил себя сдерживать. Однако, смеялась она грациозно. Бывало, бешено захохочет, а лица это не портит. Все ее очень полюбили, а соседки—и девицы и замужние—наперерыв старались ей угодить и поправиться.

Вот мать Вана выбрала счастливый день и уже готова была сочетать молодых, но еще боялась, что всетаки, это бесовское отродье. Как-то раз

¹⁾ Так называет себя главный маг и чародей Китая, живущий в особом дворце, на юге, и повелевающий своей нечистой силой. Его писем боятся всякий бес и оборотень.

она незаметно стала рассматривать Ин Нин против солнца—оказалось, что в ее теле и ее тени не было ничего особенного.

Когда настал избранный день, она велела ей одеться в самое красивое платье и исполнить церемонии, требуемые от молодой жены, но девушка лобатывалась со смеху и не могла делать никаких обрядовых движений. Пришлось прекратить церемонию.

Студент стал бояться, как бы она, по своей глупости, не разболтала про тайные дела их спальни, но она оказалась тут весьма серьезной и хранила секреты, не проронив ни слова. Бывало, мать рассердится, но стоит только молодой засмеяться, как гнев исчезнет. Если случалось, что служанка в чем-либо провинится, то, боясь розог и плетки, просила ее пойти поговорить со старухой. Затем приходила виноватая—и всегда бывала прощена.

Молодая любила цветы до безумия, разыскивая их повсюду, у родных и знакомых. Даже тайком тащила в ломбард золотые булавки, чтобы только купить еще какие-нибудь красивые цветы. И вот, в течение нескольких месяцев, крыльцо, ступени, заборы, даже ретирады оказались сплошь в цветах.

За домом росла роза мусян, у самой стены соседнего дома. Ин Нин часто влезала на это дерево, рвала розы и, любуясь ими, закалывала их себе в волосы. Старуха, если видела это, всегда бранилась, но молодая не слушалась. Вот однажды, соседский сын увидел ее, пристально уставился и совсем потерял голову. Ин Нин и не подумала убежать, сидела и смеялась. Тот решил, что ее мысли уже с ним, и еще более распалился. Она указала ему на место под стеной и, смеясь, слезла; тот понял, что она назначает ему место свидания. Страшно обрадовался и, как только стемнело, направился туда. Оказалось, что женщина уже там. Подошел к ней, схватил и начал блудить. И вдруг—в скрытом месте он почувствовал словно укол шила, и боль проникла в самое сердце. Громко закричал и свалился наземь. Вгляделся хорошенько: это вовсе и не женщина, а сухое дерево, валяющееся у стены; а то, к чему он прижался, оказалось дырой дождевого жолоба.

Отец его, услыша крики, быстро прибежал и стал спрашивать, но сын лишь стонал, ничего не отвечая, и только, когда пришла жена, рассказал ей все, как было. Зажгли огонь, осветили дыру—смотрят: в ней сидит огромный скорпион, величиной с небольшого крабба. Старик отломил кусок дерева, убил скорпиона, поднял сына и унес его на себе домой. В полночь сын умер.

Старик подал на Ваня жалобу, в которой разоблачил все дьявольские причуды и странности Ин Нин. Начальник уезда, относившийся всегда с уважением к талантам Вана и отлично зная его за солидного и степенного ученого, решил, что сосед его оклеветал, и уже велел дать тому палок, но Ван упросил начальника освободить старика от наказания. Того отпустили домой.

Старуха сказала Ин Нин:

— Послушай, глупая, послушай, сумасшедшая! Ведь, я давно уже знала, что в твоей безмерной веселости таится горе. Хорошо, что теперешний начальник—такой светлый ум, и мы, к счастью, не попались в кашу,

а вдруг, представь себе на его месте дурака: тот, ведь, непременно потащил бы нас, женщин, в свидетельницы, и тогда с каким лицом было бы сыну моему показаться к родным и в селе?

Ин Нин с серьезным видом поклялась, что больше не будет смеяться.

— Нет таких людей,—возразила старуха,—которые не смеялись бы... Только надо время знать!

Однако, Ин Нин с этих пор уж больше совсем не смеялась, даже когда ее дразнили и вызывали. Тем не менее, целый день ин на минуту не становилась грустной.

Однажды вечером, сидя с мужем, она вдруг заплакала, слезы так и закапали у нее из глаз. Тот удивился, а она, всхлипывая, говорила ему:

— Раньше я не говорила тебе этого, боясь испугать, да и жила я с тобой еще слишком мало времени, Теперь же я вижу, что ты и твоя мать оба любите меня, слишком даже, и совершенно меня не чураетесь следовательно, сказать все напрямик, пожалуй, беды не будет. Я, действительно, лисьей породы. Перед тем, как умереть, моя мать отдала меня матери-бесу, у которой я и жила более десяти лет. И вот, теперь, когда у меня нет братьев и когда вся моя надежда только на тебя, я скажу, что моя мать осталась лежать в горах; пад ней некому сжалиться, чтобы похоронить ее вместе с отцом моим; в могиле царят горе и досада. Если бы ты не пожалел хлопот и затрат, то, может быть, велел бы нашим слугам покончить с этой обидой, и тогда все когда-либо воспитывавшие девочек, не допустили бы более, чтобы их бросали и топили ¹⁾.

Студент согласился, но выразил опасение, что могила затерялась в густых зарослях травы, и отыскать ее будет трудно. Жена сказала ему, чтобы он не беспокоился. И вот, в назначенный день, муж с женой повезли гроб на могилу, которую Ин Нин быстро нашла среди путающихся чащ и падей. Действительно, там оказался труп старухи, еще с остатками кожи. С плачем и причитаниями положила она труп в гроб и повезла к могиле отца, где и погребла мать с ним вместе. В эту самую ночь студент видел во сне старуху-лису, которая пришла благодарить. Проснулся и рассказал сои жене, а та сказала, что она с лисою даже виделась этой самой ночью, но старуха не велела ей пугать мужа. Студент выразил досаду, зачем она не оставила старуху дома. Ин Нин сказала:

— Она, ведь, бес, а здесь много живых людей и царит земной дух. Разве можно ей тут долго жить?

Ван спросил про Сяо Жун.

— Она тоже лиса,—сказала жена—и очень способная, понятливая. Моя мать-лиса оставила ее, чтобы смотреть за мной. Она, бывало, соберет плодов или еще чего и кормит меня: вот, я ее и делила, жила с ней душа в душу. Вчера я спросила о ней мать: оказывается, она уже замужем.

¹⁾ Известное варварское попустительство, наблюдаемое в Китае, где, под давлением острой нужды, топят поворожденных девочек, как лишние рты, в дом ничего не приносящие, а, наоборот, с выходом замуж, становящиеся чужим достоянием.

После этого, каждый год, в тот день, когда слят холодное ¹⁾, муж и жена шли на могилу Цин'ей, кланялись и прибирали могилу.

Через год Ин Нин родила сына, который еще грудным ребенком уже не боялся незнакомых людей. Увидит кого—сейчас смеется: много, видно, было в нем материнского!

Автор этой странной истории сказал бы здесь вот что:

Мы видели, как девушка заливалась глупым смехом, и казалось, неправда ли, что в ней нет ни сердца, ни души. Однако, устроить у стены такую злую штуку,—кто мог бы умнее ее? Опять же, так любить и жалеть свою мать!.. Быть бесовской породы, и вдруг перестать смеяться, даже наоборот—заплакать... Да паша Ин Нин уж не святой ли отшельник, скрывшийся в смехе?

Я слышал, что в горах есть трава, называемая «смейся!». Кто ее поюхает, смеется так, что не может перестать. Вот этой бы травки да в наши спальни! Тогда поблекла бы слава знаменитых трав «радость супружеская» и «забвение неприятностей». А этот паш «цветок, понимающий слова» ²⁾,—хорош, конечно,—но, право, досадно, что он вечно кокетничает.

¹⁾ Весенний праздник, в третьей китайской луне.

²⁾ Белый лотос, представлявший поэтическому воображению одного эстета-императора VIII в. по Р. Х., символом любимой подруги.

II

ЧЕТВЕРТАЯ ХУ

Студент Шан из Тай-шаня (в губ. Шаньдуи) сидел один в своем чистом ученом кабинете... На дворе была осенняя ночь; в высоте небес мерцала Серебряная Река (Млечный Путь), стояла полная луна. Студент стал гулять в тени цветов и думал о далеком и отвлеченном. Вдруг видит, как к нему перелезает через забор какая-то девушка, подходит, смеется и говорит:

— Магистр, что это вы так глубоко задумались?

Шан подошел к ней, посмотрел: красавица! словно бессмертная фея! В изумленной радости схватил ее, втащил в дом и предался самому испу- пленному любовному наслаждению. Девушка назвалась Ху, по имени Третья (Ху Саь Цзе). Студент спросил ее, где она живет, но она только смеялась не отвечая, и он не повторил вопроса, а только твердил, что всегда будет ее любить.

И вот, девушка начала посещать его так часто, что у студента не оставалось ни одного свободного вечера.

Однажды ночью сидели они при свече, колени с коленями, вместе под пологом. Студент любовно смотрел на нее, не спуская глаз. Она смеялась и спрашивала:

— Зачем ты так на меня уставился?

— Я гляжу на тебя, милая,—отвечал студент,—как глядят на крас- ный пион или на лазурный персик. Хоть всю ночь смотри—не насытишься!

Дева сказала:

— Я существо грубое, и при всем этом ты так благосклонно на меня смотришь — глаз в глаз. Еслиб ты увидел мою четвертую сестру, то просто и не знаю, как бы ты сошел с ума.

Студент разволновался еще сильнее, совсем теряя голову, и говорил, что ему слишком досадно будет, если он не увидит красоты лица ее сестры; стал на колени и умолял устроить свидание.

Через день она, действительно, пришла вместе с четвертой сестрой. Лет этой девушке было только-только достаточно, чтобы сделать прическу¹⁾. Она была прекрасна, как лотос, розовеющий в свисающих каплях

¹⁾ 15 лет.

росы; как цветок абрикоса, увлажненный легким туманом. Кокетливо и грациозно она, еле заметно, улыбалась, и красота ее милого лица хотела, как будто, выйти за пределы возможного.

Студент пришел в неистовый восторг, ввел сестер в дом, усадил и стал смеяться и разговаривать с третьей, а четвертая в это время сидела молча, наклонив голову, и только перебирала свой вышитый пояс. Вскоре третья встала и начала прощаться, сестра ее тоже готова была отправиться ей вослед, но студент увлек ее и, не отпуская, говорил третьей:

— Милая, милая, будь добра, скажи ей хоть одно слово!

Та засмеялась и сказала:

— Ну, и сумасшедший же! Смотри, как разъярился! Сестрица, останься тут немножко!

Четвертая молчала. Когда сестра ушла, то оба они сейчас же погрузились в самую полную любовную радость. Блаженство кончилось; студент протянул руку, положил на нее голову девушки и разом высказал ей все, что с ним в жизни было, ничего не утаив и все назвав. Она тоже сама заявила ему, что она лиса, но он так влюбленно привик к ее прелести, что и не подумал изумиться. Затем, она сказала ему еще, что сестра ее страшно ядовита, что она уже убила троих, так что всякий, кто ею соблазнится, непременно погибнет.

— Счастье твое,—говорила она,—что я вся в твоей любви и не допущу, чтобы ты погиб, но с той нужно сейчас же покончить.

Студент испугался и стал просить ее дать средство и помощь.

— Хотя я и лиса,—сказала она ему в ответ,—но уже овладела настоящим действием бессмертных людей. Мне нужно будет написать тебе одну полосу талисманских писем, которую ты наклеишь на двери спальни, и этим ее отгонишь!

Сказав это, она села и написала талисман. Настало утро. Третья пришла, увидела талисман, попятилась и сказала:

— Ах ты, неблагодарная девчонка! Ты вскружила голову возлюбленному и не вспомнила даже о той, которая продела нитку в иглу! Вы оба предназначены друг другу—это верно... Я и не думаю сердиться. Но зачем же непременно так поступать?

Сказала и сейчас же ушла. Прошло несколько дней. Четвертая куда-то отлучилась, назначив свиданье через день. Студент вышел на улицу посмотреть на народ. Под горой была дубовая роща. И вот, из зарослей выходит молодая женщина, тоже чрезвычайно элегантно и тонкой наружности, подходит к нему близко и говорит:

— Магистр, зачем вам так легкомысленно увлекаться сестрами Ху? Они, ведь, вам не могут подарить ни гроша!

Затем вручила студенту целую связку мопет и продолжала:

— Вот, возьмите это и отправляйтесь домой. Купите хорошего вина, а я захвачу закусок и приду: вместе с вами проведем мы время пресвесело!

Студент сунул деньги в карман и сделал, что было велено. Вскоре женщина, действительно, пришла и положила на стол копченую курицу и

соленую свинину, затем вынула нож и нарезала все это тоненькими ломтиками. И вот, стали есть, запивая все это вином, остря, забавляясь и радуясь друг другу. Поев и выпив, погасили огонь, забрались на кровать и безумно заволновались в разнуздашней любовности.

Поднялись, когда уже совершенно рассвело. Только что женщина села на кровать и, спустив ноги, готовилась переменить ночные туфли, как вдруг послышались голоса. Не успела она прислушаться, как уже входили в полог—не кто иной, как сестры Ху! Женщина, завидев их, бросилась бежать, так и оставив башмаки на постели. Обе девы кричали ей вслед:

— Проклятая лиса! Как ты смела с человеком вместе спать?

Прогнали ее, вернулись, и четвертая Ху с раздражением стала упрекать студента за то, что он неисправим, причем сказала, что раз он сошелся со злодейкой-лисой, то ей уже нельзя к нему подходить. Сказав все это, сердито повернулась и хотела уйти, но студент в страхе и ужасе бросился ей в ноги и нежными словами стал жалобно ее умолять. Третья, стоя тут же, уговаривала ее простить его. И тогда только гнев четвертой стал понемногу проходить. Наконец, они опять стали любовничать по старому.

Однажды в дом заехал некий человек из Шааньси¹⁾, который рассказывал, что он уже давно идет оборотней, но лишь сегодня их настигает. Отец нашего студента, внимая этим страшным словам, спросил незнакомца, откуда он, и тот стал рассказывать:

— Я в туманах и волнах день за днем плыву и еду по всему свету; в течение года 8 или 9 месяцев провожу вне дома. Дело в том, что эти оборотни погубили моего меньшого брата, и я, узнав дома об этом, пришел в такое озлобление, что поклялся непременно разыскать их и уничтожить. Где я ни скитался, куда я ни метался, тысячи верст оставил за собой, а никаких следов и признаков не находил. Теперь они в вашем доме, и, знаете, если их сейчас не уничтожить, то кому-то придется последовать за моим братом в могилу.

Как раз в это время студент лежал, прильнув к своей деве. Родители незаметно разузнали это и, слыша, что говорит заезжий гость, сильно испугались, зазвали его в дом и предложили ему поворожить. Тот вынул две вазы, поставил на пол, долго писал талисманы, бурчал заклинания—и вот, со всех четырех сторон показались клубы черного тумана, и один за другим полезли в вазы. Гость в восторге говорил:

— Ну, вся семейка тут!

Затем, обвязав отверстия ваз свиным пузырем, закрепил и запечатал крепко накрепко. Отец студента, сильно обрадовавшись, усердно просил гостя остаться обедать.

Студент, крайне опечаленный, подошел к вазам и стал прислушиваться. Четвертая Ху, сидя в вазе, сказала ему:

— Сложь руки смотреть и не помочь беде... Что за неблагодарное у тебя сердце!

¹⁾ Губерния Зап. Китая.

Студент расчувствовался, ревностно бросился вскрывать вазы, но они были так крепко запечатаны, что открыть их не удалось. Тогда девушка говорит:

... Гость вынул две вазы, поставил на пол (стр. 30).

— Не надо, не надо! Ты только возьми флажок на алтаре, поверни и брось; затем шилом проонори пузырь, я в эту дыру и выйду.

Студент так и сделал. И, действительно, видно было, как из отверстия шелковинкой вытянулся белый пар, поднялся к небу и исчез. Гость, выйдя из комнаты, увидел, что флажок валяется лицом вниз на полу, страшно испугался и закричал:

— Удрала! Это наверное ваш сын наделал!

Потряс вазы, припик ухом и сказал:

— К счастью, ушла только одна из них! Но этой твари издохнуть не положено, пусть ее,—можно простить!

Забрал вазы, распростился и ушел.

Прошло некоторое время. Как-то раз студент смотрел в поле за работниками, которые жали пшеницу, и вдруг издали увидел четвертую Ху, которая сидела под деревом. Студент подбежал к ней, схватил за руки и стал участливо и ласково расспрашивать. Она говорила ему:

— С тех пор, как мы расстались, уже десять раз сменились весна за весной, осень за осенью. Теперь «Великий Красный»¹⁾ уже готов²⁾, и только думая, что ты меня еще не забыл, я пришла, чтобы тебя приветствовать.

Студент хотел взять ее к себе домой, но она сказала ему:

— Я уж не та, что была раньше: нельзя и сравнивать. Мне уже не полагается осквернять себя земною страстью. Впрочем, нам еще раз придется свидеться!

Проговорив это, она исчезла, и неизвестно куда.

Прошло еще двадцать с чем-то лет. Шан случайно сидел один, и увидел, как откуда-то пришла четвертая Ху. Он обрадовался и стал с ней говорить. Она сказала:

— Мое имя теперь уже в книге бессмертных, и мне, собственно говоря, не следовало бы вновь ступать по грешному миру, но, тронутая твоим чувством, я прошу позволения засвидетельствовать тебе свое уважение и сообщить, что наступает срок «разрыва струн лютни» (твоей смерти). Советую тебе поскорее распорядиться последующими делами³⁾. Не горюй и не беспокойся: я непременно переведу тебя в добрые духи, так что тебе беды не будет.

Простилась и ушла.

Шан, действительно, умер.

Он был родственником моего приятеля Ли Вэньюя, и я сам его как-то раз видел.

¹⁾ Алхимическое средство к бессмертию.

²⁾ И я готова поклянуть мир.

³⁾ Похоронами.

III

ЛИ С ИЗ ВЭЙШУЙ'Я

У Ли из Вэйсяня был отдельный дом. Как-то к нему явился старичок, желавший снять помещение, за которое он давал 50 лан в год. Ли согласился. Затем старик ушел и пропал без вести. Ли велел сдать помещение кому-нибудь другому, но на следующий же день явился старик и сказал:

— Вель, о сдаче помещения вы договорились со мною, и даже в присутствии свидетелей. Как же вы хотите сдать его другим?

Ли сказал, что именно ввело его в сомнение.

— Я намерен,—объяснял ему старик,—здесь жить долго. Почему я так задержался? А потому, что выбранное мною счастливое число будет еще через десять дней.

Вместе с этим он уплатил за год вперед и сказал, что если помещение будет пустовать до конца года, то, значит, печего и спрашивать. Ли проводил старика и осведомился на прощанье, когда же он переедет; старик указал срок, но после срока прошло уже несколько дней, и вестяки никого не было видно.

Тогда Ли отправился сам лично поглядеть и увидел, что ворота закрыты изнутри, над домом поднимается кухонный дым и слышны человеческие голоса. Сильно изумившись, Ли послал свой визитный листок ¹⁾ и пошел с визитом. Старик выбежал ему навстречу, ввел его в дом и, приветливо улыбаясь, старался с ним сблизиться. Ли, вернувшись домой, послал своего человека с угощениями в подарок старику и семье. Тот отдал им и награды слугу самым щедрым образом.

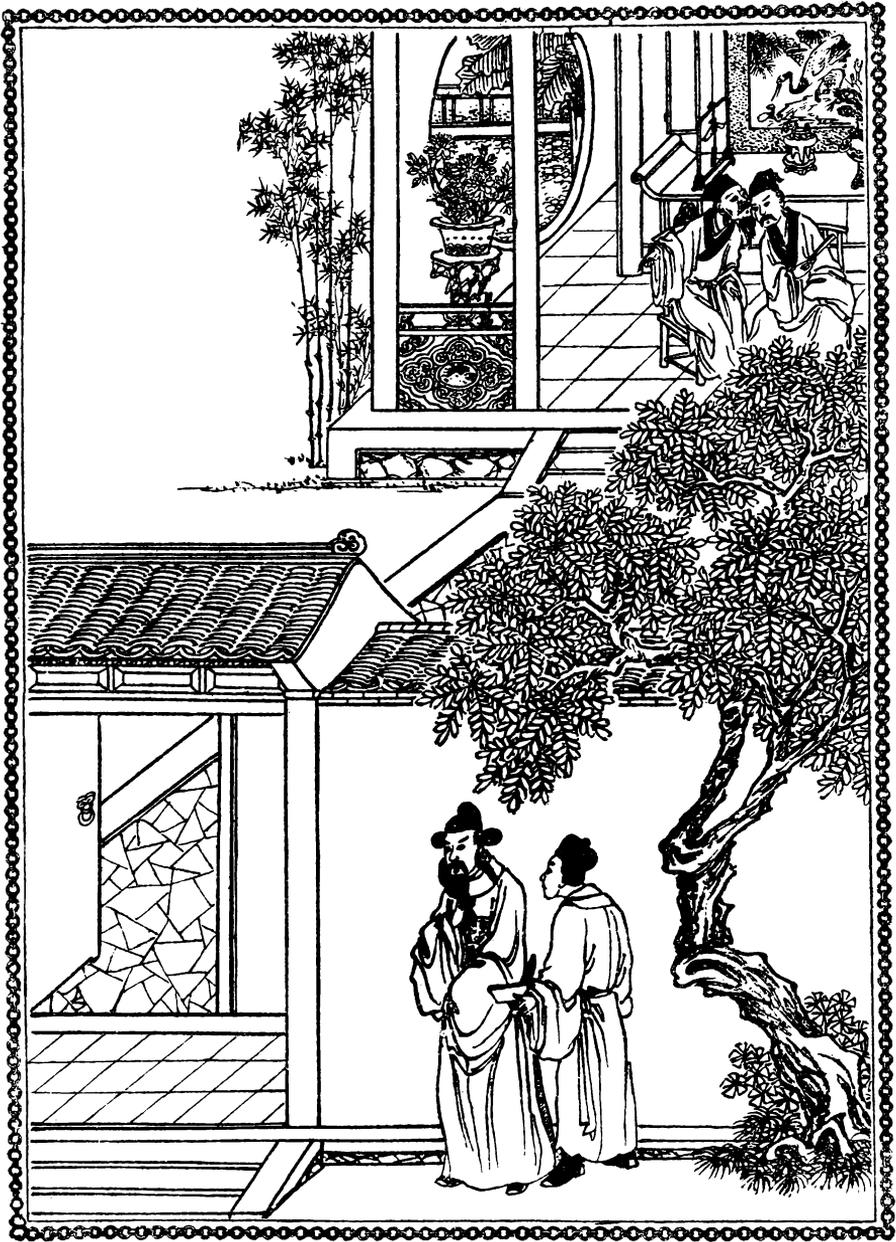
Прошло еще несколько дней. Ли устроил обед и пригласил старика. Они оба друг другу приглялись по душе и радовались этому бесконечно. Ли спросил старика, откуда он родом. Старик отвечал,—из Цинь ²⁾. Ли изумился, что он пришел сюда из столь далеких мест ³⁾. Старик сказал ему на это:

¹⁾ На красной бумаге пишется тушью имя и фамилия, и листок употребляется как наша визитная карточка, превосходя ее размерами раз в пять.

²⁾ Зан. Китай, губ. Шааньси (Шэньси).

³⁾ Т.-е. с запада на восток, через весь Китай.

— Ваша прекрасная область—счастливая земля, а в Цинь—долго жить будет нельзя, так как там произойдут большие бедствия.

Старик подвинулся к Ли и шепотом говорил ему... (стр. 35).

Так как время было тихое и мирное, то Ли оставил разговор, не расспрашивая подробнее.

Через несколько дней старик прислал Ли свой именной листок тоже с приглашением, чтобы, таким образом, отблагодарить хозяина дома за приют. На обед он поставил вино и кушанья в самом щедром изобилии и отменно вкусные. Ли все более и более приходил в недоумение и выразил догадку, что старик какой-то знатный вельможа. Тогда старик по дружбе сознался Ли, что он лис.

Ли, пораженный этим признанием до крайности, рассказывал это всем встречным, и вот, вся местная знать, услыша про эти лисьи чудеса, каждый день стала направлять свои экипажи к воротам старика и, вообще, искать его дружбы. Старик всех принимал с преувеличенной скромностью.

Попеменно и представители местной власти стали заглядывать к старику, и только, когда сам правитель области просил разрешения познакомиться, то старик подчеркнуто отказывал. Тот просил Ли, как хозяина, взять на себя переговоры по этому поводу, но старик опять отказал. Ли спросил, в чем тут дело. Старик пододвинулся к Ли и шопотом говорил ему:

— Вы не знаете, конечно, что он в предыдущем своем рождении был ослим. Хотя в настоящую минуту он и сидит торжественно над нами, но он из тех, которым какую дрянь ни давай, все выпьют. Я, конечно, другой породы и стыжусь с такими якшаться.

Ли в осторожных выражениях сообщил начальнику об отказе, говоря, что лис боится его прощательного ума, и потому не дерзает его принять. Тот поверил и перестал просить.

Все это происходило в 1672 г. Вскоре после этого в Цинь (Шэньси) произошли мятежи и всякие несчастия. Значит, лис умел знать об этом наперед.

* * *

В послесловие я, как рассказчик, сказал бы так: осел — тварь громоздкая; озлится — так брыкается, орет, глазищи — больше чашки, и вид принимает свирепый, словно бык. Не только рев его противен, но и смотреть на него отвратительно.

Однако, попробуй поманить его горстью сена — и что же? Прижмет уши, опустит голову и с радостью даст на себя падать узду.

Конечно, если кто-нибудь с такими качествами сидит над народом, то правильно будет о нем сказать, что он пьян от всякой дряни. Позвольте выразить пожелание, чтобы те, кто собрался нами править, помнили об оселе, как о предостережении и, наоборот, старались походить на лиса. От этого, понятно, благотворное влияние правителя сильно возрастет.

IV

ЖЕНЩИНА НАКАЗЫВАЕТ ЗА БЛУД

Студент купил себе новый дом и стал постоянно страдать от лишней. Все его носильные вещи были во многих частях приведены в негодность. Часто также она бросала ему в суп или хлеб всякую грязь и гадость. Однажды к нему зашел его друг, а его как раз не было дома: куда-то ушел, к вечеру так и не вернулся. Жена студента кое-что приготовила и накормила гостя, после чего вместе со служанкой доела оставшиеся от гостя хлебцы.

Студент отличался несдержанным характером и охотно пользовался любовным зельем. Неизвестно, когда это случилось, но жена положила этого зелья в похлебку, и жена студента, поев ее, ощутила запах мускуса. Спросила служанку, но та отвечала, что ничего не знает. Кончив ужин, женщина почувствовала, как в ней вздымается горячий огонь плотского возбуждения, и такой, что нет сил терпеть ни минуты. Хотела силой заставить себя подавить страсть, но распаленный аппетит от этого стал еще сильнее и настойчивее. Стала думать, к кому бы бежать сейчас, но в доме не было мужчин, кроме гостя. Она пошла и постучала к нему в комнату. Гость спросил, кто там. Она сказала, кто именно. Спросил, что ей надо. Она отвечала. Гость извинился и стал отказываться:

— У меня с твоим мужем дружба по душе и по совести. Я не посмею совершить такого скотского поступка.

Женщина всетаки бродила вокруг да около, не уходя прочь. Гость закричал ей:

— Послушай, ты погубила теперь в конец моего друга и брата, со всей его ученой карьерой и репутацией!

Открыл окно и плюнул в нее.

Страшно сконфузясь, женщина ушла и стала раздумывать: как это все я наделала? И вдруг вспомнила про этот страшный запах из чашки: уж не было ли там любовного порошка? Посмотрела хорошенько, действительно: порошок из коробки был там и здесь просыпан по полке, а в чашке это самое и было. По опыту зная, что холодной водой можно успокоить аппетит, она наплась воды, и под сердцем у нее сейчас же прочистилось

и прояснилось. Ей стало мучительно стыдно, и она ничем не могла себя извинить. Ворочалась, ворочалась на постели... Уж все почные стражи

Гость спросил, кто там... (стр. 36).

окончились. Стало еще страшнее: вот уже рассветает, а как показаться теперь человеку? И вот, сняла пояс и удавилась. Служанка, заметив это,

бросилась спасать ее, но дух уже слабел и замирал, и прошло все утро, прежде чем у нее появилось легкое дыхание.

Гость ночью, оказывается, ушел. Студент же пришел лишь после обеда. Смотрит: жена лежит. Спросил, в чем дело. Не отвечает, а только в глазах стоят чистые слезы. Служанка тогда все рассказала, как было. Студент страшно испугался, пристаёт с расспросами. Жена высказала служанку и выложила ему все по правде.

— Это мне месть за блудливость, — вздохнул он. — Какая тут может быть вина на тебе? К счастью моему, попался такой честный и хороший друг. Иначе, как мне было бы жить по-человечески?

С этой поры студент ревностно занялся исправлением своего бывшего поведения. А затем и лисица перестала куралесить.

Перевел с китайского

В. М. Алексеев

狐 慫 淫
疑 雨 艱 雲 思
不 禁 隔 窓 未
敢 逗 琴 心 勸
君 休 蓄 房 中
藥 猶 恐 真 成
蕩 婦 吟

Китайский текст рассказа «Лиса наказывает за блуд».